

(чередование рядов гребенки и ямок) сходен с керамикой Леушинского Тумана.

Керамика поселений Леуши XIX, Лева VIII, XII имеет отличительные черты: наlepной валик под венчиком, острое и уплощенное дно, использование длинной, часто с косыми зубцами, гребенки, гладкого штампа, вдавлений углом гладкого или гребенчатого штампа, полый костью, наличие прочерченной змейки, зигзагов, гребенчатой решетки, изображений водоплавающих птиц. Для кондинских поселений с этой посудой встречается тип грузил с Т-образными или раздвоенными концами. Учитывая специфику керамики поселений на оз. Леушинский Туман, мы предлагаем выделить леушинский тип.

Ареал леушинской керамики определить пока трудно: недостаточно изучены памятники Нижнего Прииртышья и других таежных районов. Однако уже сейчас можно отметить связь Конды с Тюменским Притобольем, что подтверждается наличием ямочной керамики на поселении Лева VIII (рис. 2-10).

¹ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 74.

² Определение литейных форм проведено сотрудником ИА АН СССР С. В. Кузьминных.

³ См.: Васильев Е. А. Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 51—52.

⁴ См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век... С. 59.

⁵ См.: Васильев Е. А. Хронология... С. 45, 58.

⁶ См.: Посредников В. А. О культурной принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье // ИИС. 1973. Вып. 7. С. 103.

Н. К. СТЕФАНОВА
Уральский университет

Кротовская культура в Среднем Прииртышье

В начале 50-х гг. на развееванных дюнных стоянках Верхнего Приобья (Кротово VII, Морайка) вместе с невыразительным каменным инвентарем впервые была выявлена плоскодонная валиковая посуда, украшенная нечеткими оттисками гребенчатого штампа, которую М. Н. Комарова отнесла к эпохе неолита¹.

Позднее исследованные в Среднем Прииртышье комплексы с аналогичной керамикой, вещевым материалом, жилищами объединены в группу доандроновских памятников кротовского типа².

Изучение серии близких памятников в лесостепной Барабе,

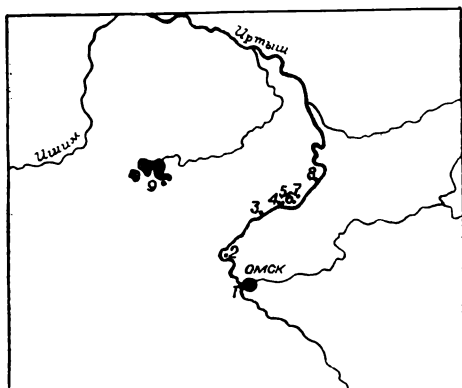

Рис. 1. Памятники кротовской культуры в Среднем Прииртышье:

1 — Омская стоянка; 2 — поселение Ново-Троицкое VIII; 3 — Сибирская Саргатка I; 4 — Черноозерье VI; 5 — Черноозерье IV; 6 — Инберень X; 7 — городище Инберень IV; 8 — поселение Бызовка I; 9 — Саранин II

обобщение и анализ всей группы источников позволили В. И. Молодину в середине 70-х гг. выделить самостоятельную кротовскую культуру³. Исследование кротовских поселений и могильников продолжалось и в последующие годы (пос. Инберень X⁴, Саранин II⁵, Каргат 6 и др., мог. Сопка 2, культовое место Туруновка 6⁶).

Отмечая несомненные достижения в решении ряда проблем кротовской культуры, нельзя не заметить, что до сих пор остаются дискуссионными во-

просы нижней даты, генезиса и исторических судеб, соотношения с другими культурными образованиями.

Ареал кротовской культуры определяется полосой лесостепи от Новосибирского Приобья на востоке до Среднеиртышского озерного края на западе (оз. Ик, Салтаим, Тенис), от широты р. Тары на севере до Кулундинской степи на юге.

Наряду с несомненным единством кротовские памятники имеют локальную специфику. В предлагаемой работе анализируются поселения Среднего Прииртышья (рис. 1), опорными среди которых являются Инберень X, Саранин II, Черноозерье IV и VI (табл. 1).

Поселения, иногда занимающие часть склона, расположены обычно у бровок первых надпойменных террас высотой около 4 м. На таком же уровне залегают культурные слои приозерных памятников Саранин II, Инберень IV. Обширные поймы, простирающиеся у подножия террас, пересечены системой соединяющихся стариц и заболоченных ложбин.

Планировка поселков наиболее отчетливо прослежена на Инберень X и Черноозерье IV. Двухкамерное жилище поселения Инберень X располагалось в юго-западной половине подпрямоугольного участка размером 15×20 м, окруженного канавой, выходящей концами на склон, и, очевидно, изгородью. Ширина канавы 0,5—0,6 м, глубина около 0,7 м. Смещение жилища к краю огороженного участка создавало довольно большой двор. За жилищем и канавой, с противоположной двору стороны, находились хозяйственные ямы, очаги, погреб (укрепленная плетнем (?) яма глубиной около 2 и диаметром 1,2 м).

Поселение Черноозерье IV состояло из двух жилищ, распо-

Таблица 1

Данные о раскопанных поселениях

Памятник	Площадь		Основной объект	Кол-во сосудов
	вскрыто м ²	% от общей		
Черноозерье IV (В. Ф. Генинг, 1967)	более 300	100	2 жилища,	не менее 45
Инберень X (Н. К. Стефанова, 1977—1978)	около 400	около 90	2 хозяйственные ямы двухкамерное жилище, канаво-ров, погреб	не менее 120
Саранин II (И. Г. Глушков, 1979, 1983)	около 800	около 85	4 жилища, очаги, хозяйственные ямы	около 130 (?)
Черноозерье VI (В. Ф. Генинг, 1967—1970; В. Т. Ковалева, 1972; Н. К. Стефанова, 1978)	более 2200	около 85	площадка с 1—2 постройками, канаво-ров	не менее 162

ложенных почти параллельно друг другу на расстоянии 3—6 м⁷. Между постройками находились две ямы, возможно, связанные с изготовлением посуды (глинник и костровая). Над ямами, очевидно, был навес, опирающийся на крыши жилищ и два столба.

Планиграфический и стратиграфический анализ кротовской и логиновской керамики на поселении Черноозерье VI позволяет сделать предположение о одновременности их отложения на памятнике, а также соотносить объекты с тем или иным типом⁸. Кротовскими были, очевидно, трапецевидный участок, площадью около 800 м², окружающий его ров; одна-две постройки, смещенные к притеррасному краю участка. С остатками построек связаны находки фрагментов литейной формы, тиглей, развалов кротовских сосудов.

И. Г. Глушков предполагает, что на раннем этапе кротовской культуры посуда логиновского и кротовского типов сосуществует, и на этом основании считает Саранин II единокультурным, раннекротовским памятником⁹. Поселение состояло из 4 жилищ, расположенных вдоль кромки террасы на протяжении около 60 м, хозяйственных, столбовых ям и очагов между ними.

Изученные поселки, таким образом, различаются площадью, количеством и размещением построек. С привлечением данных по однокультурным памятникам Барабы и Приобья перечень признаков становится еще более разнообразным¹⁰.

Поселения Инберень X и Черноозерье VI отличаются наличием ровиков, окружающих постройки и обширные площадки,— очевидно, загон для скота¹¹.

Заметим, что таких крупных поселков, как в Барабе (Венге-

рово 2, Преображенка 3, Льнозавод), на Иртыше нет. Не обнаружено здесь и объектов культового характера¹².

Жилища выявлены на трех памятниках. Наиболее сложной конструкцией отличается двухкамерная постройка поселения Инберень X. Меньшее помещение (около 60 м²) имело в основе подквадратный котлован глубиной 0,5—0,6 м. Переход-коридор длиной 1,5 м и шириной 1,7 м соединял ее со второй постройкой, площадью около 90 м², имеющей прямоугольный котлован глубиной 0,7—0,8 м. Входы имелись в обеих камерах: в меньшей — пристрой-тамбур; в большей конструкция входа связывалась с двумя материковыми останцами, вдающимися в котлован. Камеры оказывались сравнительно автономными, а противолежащие входы обеспечивали доступ на площадку двора и к хозяйственным объектам, находящимся за ровиком. Очаги — простые выемки диаметром около 1 м и глубиной до 15 см — находились в центре камер, рядом размещались 2—3 хозяйственных ямы глубиной до 45 см. Приподнятость пола у северо-западной и северо-восточной стен большой камеры на 20—25 см, очевидно, осталась от сооружений мест для сна. Основой каркасов служили столбы по внутреннему периметру котлованов, а также четыре мощных центральных столба в большей постройке и ряд опор в меньшей. На последних могла крепиться коньковая балка двускатной асимметричной крыши. Наземная часть большей постройки реконструируется в виде усеченной пирамиды¹³.

Жилища поселения Черноозерье IV и большая камера Инберени X похожи размером и формой котлованов, ориентировкой (СЗ — ЮВ с небольшими отклонениями), размещением и устройством очагов, мест для сна.

Жилища Саранина II реконструированы И. Г. Глушковым как наземные, подпрямоугольные, имеющие плетеные стены¹⁴. Над собственно жилым помещением площадью 16—25 м² сооружался большой навес, опиравшийся на столбовую конструкцию. Входы-коридоры в двух случаях примыкали к середине стен, в двух других продолжали линию одной из них. Ориентированы входы различно, но в любом случае обращены от озера. Очаги — округлые кострища диаметром 80—90 см — в двух жилищах совмещались с овальными неглубокими ямами.

Таким образом, среднеиртышские кротовские поселки демонстрируют разнообразные домостроительные традиции. Наиболее устойчивы такие признаки, как подпрямоугольность обширных, но неглубоких котлованов, направленность выходов от водоема, размещение очагов в центре жилищ, каркасное устройство стен и кровли.

Некоторые иртышские жилища (Инберень X, Черноозерье IV) сходны с барабинскими (Венгерово 2, Преображенка 3) наличием однокамерных и двухкамерных построек, кон-

Таблица 2

Характеристика керамики по примеси и обработке поверхности, %

Кол-во сосудов	Памятник	Примесь			Обработка поверхности					
		шамот	жженая кость	дресва	органика	наружной			внутренней	
						гладкая	штриховая	шероховатая	гладкая	штриховая
122	Инберень X	100	2,45	1,63	+	91,8	4,91	3,27	47,54	38,54
162	Черноозерье VI	80	1,85	—	+	88,27	6,17	5,55	23,45	64,81
45	Черноозерье IV	96	37,4	8,88	+	100	—	—	28,88	62,22
										13,93
										11,72
										8,88

Таблица 5

Характеристика форм венчиков, %

Кол-во сосудов	Памятник	Анфас края сосуда		Профиль края сосуда							
		прямой	волнистый	симмет- ричный	скошенный		округлый	уплощен- ный	плоский	приост- ренный	деформи- рованный орнамен- том
					наружу	внутрь					
45	Черноозерье IV	68,9	31,1	62,2	11,1	26,7	57,8	33,4	4,4	4,4	—
122	Инберень X	72,1	27,9	53,6	29,3	17,1	44,2	24,4	24,4	3,1	3,9
40	Саранин II	?	?	?	?	?	44,3	21,4	24,3	10	?
162	Черноозерье VI	66,9	33,1	80,9	7,0	12,1	40,6	23,1	20,6	1,8	13,9

Таблица 3

Характеристика форм сосудов, %

Памятник	Банки закрытые	С вертикальным плечиком	Открытые	Горшечно-баночные
Черноозерье IV	61,5	—	38,5	—
Инберень X	78,4	—	18,6	3,0
Саранин II	28,9	31,1	13,3	26,7
Черноозерье VI	71,3	6,7	14,0	8,0

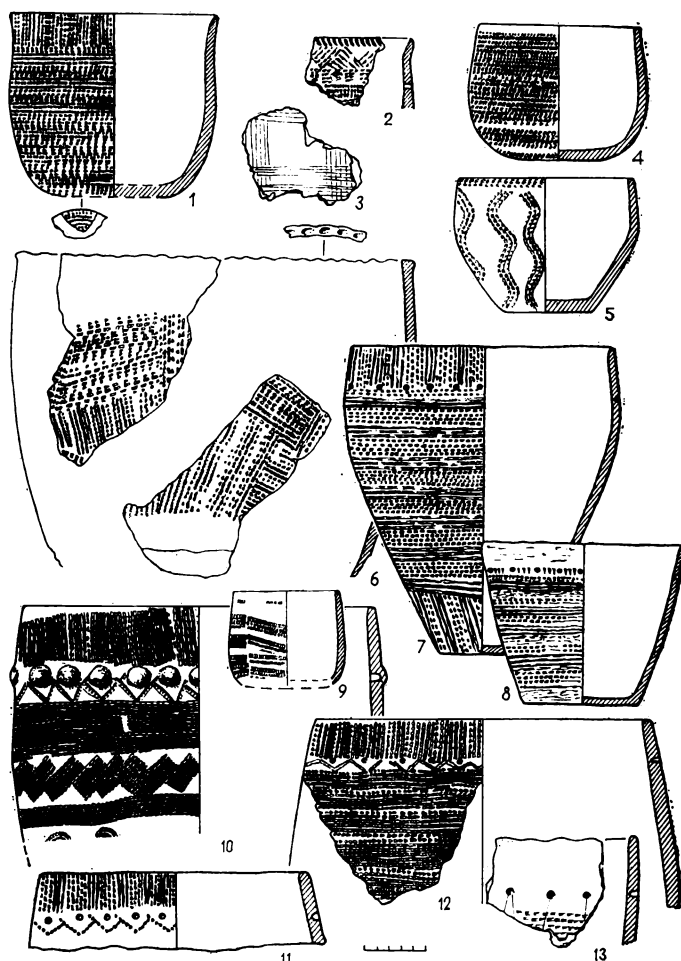

Рис. 2. Керамика:

1-6, 9-10, 12-13 — поселение Черноозерье VI; 7-8, 11 — Саранин II

Таблица 4. ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРАМЕТРОВ СОСУДОВ

ПАМЯТНИК	ПАРАМЕТР															
	n	P ₁ (см)	n	P ₂ (см)	n	P ₃ (см)	n	P ₄ (см)	n	P ₅ (см)	n	P ₆ (см)	n	P ₇ (см)	n	P ₈ (см)
ИНБЕРЕНЬ X	52	9-46 $\bar{x}=25,7$	10	8-34 $\bar{x}=21,7$	21	11-42 $\bar{x}=24,5$	2	8-11 $\bar{x}=9,5$		—	19	1-4 $\bar{x}=2,2$	19	2-10 $\bar{x}=5,6$		—
ЧЕРНООЗЕРЬЕ VI	54	8-46 $\bar{x}=26,9$	4	11-20 $\bar{x}=14,5$	24	9-49 $\bar{x}=30$	5	7-11 $\bar{x}=9,4$	3	11-14 $\bar{x}=12$	10	1,2-3,5 $\bar{x}=1,6$	29	4-13 $\bar{x}=7,1$	3	4-7 $\bar{x}=5,7$
ЧЕРНООЗЕРЬЕ IV	7	8-33 $\bar{x}=22,3$	1	14,8	3	12-32 $\bar{x}=20,3$	3	6-12 $\bar{x}=10$	1	31,0	4	0,7-1,5 $\bar{x}=1,1$	5	3-6 $\bar{x}=4,2$	1	24,0

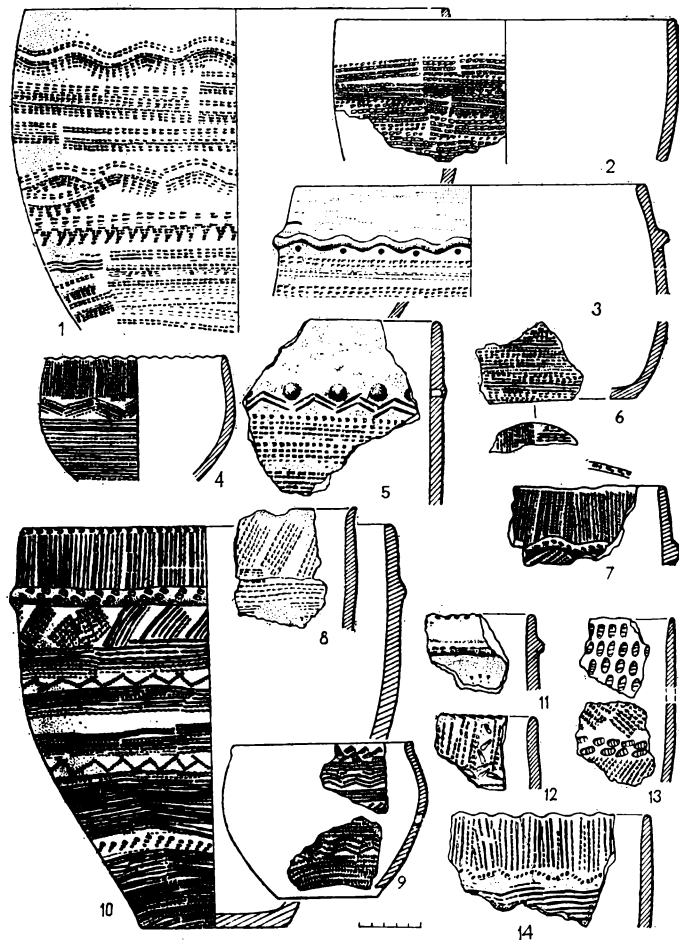

Рис. 3. Керамика:

1-3, 6 — поселение Черноозерье VI; 4-5, 7, 11-12, 14 — Инберень X;
8-10, 13 — Черноозерье IV

струкцией каркасов, площадью и глубиной котлованов, деталями устройства входов¹⁵.

Реконструируемый облик жилищ Саранина II не находит аналогий в ряду известных кротовских построек, возможная причина этого в предполагаемом летнем характере поселка. Отметим, что по ряду признаков саранинские жилища близки логиновскому сооружению Черноозерья VI (см. сн. 8).

Керамика кротовского типа среднеиртышских памятников поразительно однообразна (насчитывается около 5 тыс. фрагм. примерно от 400 сосудов)¹⁶. Ее отличают устойчивость признаков в рамках комплексов и высокая степень сходства комплексов между собой. Основой формовочных масс служили в основном лессовидные суглинки с природной примесью кварцевого песка¹⁷. Добавляли обычно шамот, органику (экскременты животных, птичий пух (?), реже — дробленую жженную кость (табл. 2). Посуда изготовлена вручную ленточным налепом с элементами выбивки. Стенки толщиной от 4 до 15 мм, в зависимости от объема сосуда, снаружи они обычно гладкие, изнутри шероховатые, в бороздках. Керамика Черноозерья IV рыхлая, пористая, на Черноозерье VI черепки плотные, тяжелые. Обжиг различного качества, очевидно, костровой.

Преобладают сосуды закрытой баночной формы со слабо выпуклым туловом и сравнительно небольшим плоским дном (табл. 3; рис. 2, 3). Посуда вытянутой пропорции, высота чуть больше диаметра устья. Средний диаметр по венчику 22—27 см; дна — 6—9 см; плечико занимало $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$ общей высоты (табл. 4). Края венчиков прямые или волнистые — примерно поровну в каждой коллекции, но в деталях оформления закраин сосудов коллекции заметно различаются (табл. 5). Единичны сосуды горшечной и горшечно-баночной формы — размер их, как правило, небольшой (рис. 2-2; 3-9). В комплексе Черноозерья VI есть несколько «приземистых» сосудов с очень высокими плечиками и округло-уплощенным дном (рис. 2-1, 4).

Орнаментация (табл. 6) кротовских сосудов характеризуется горизонтальной зональностью (рис. 2-1, 7—8, 10; 3-1, 4, 10, 14), хотя изредка встречаются взаимопроникающие и вертикальные зоны (рис. 2-3, 5—6).

Степень орнаментированности посуды довольно высокая (табл. 7), причем около половины сосудов украшено до дна, в остальных случаях внизу оставалась свободная от узоров зона шириной до 8 см. Орнаментированные днища очень редки (рис. 3-6).

В технике орнаментации преобладают оттиски шагающей гребенки¹⁸. Характерно их взаимонакладывание внутри поясков и между ними — последние прослеживаются за счет более глубокого вдавливания концов штампа (рис. 2-1, 4, 12). Другие способы украшения посуды использовались ограниченно (табл. 8).

Выделено около 50 разновидностей орнаментальных поясков

Таблица 6.

Распределение орнаментальных композиций по зонам, %

№ композиции	ИНБЕРЕНЬ X						ЧЕРНООЗЕРЬЕ VI						ЧЕРНООЗЕРЬЕ IV					
	ВЕННИК	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ВЕННИК	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ВЕННИК	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ	ЗОНА ПОД ПЛОСКОСТЬЮ
1	3.05		2.28	0.30	5.64		3.66	0.13	1.58	0.19	5.56		2.33		2.33	0.36	5.02	
6	0.34	0.26	67.85	0.82	68.29		1.14	0.06	57	0.88	59		0.09	0.36	60.75	3.40	64.68	
3		0.30	8.66	0.04	9		0.32	0.38	5.74	0.19	6.63		0.09	0.09	8.06	0.09	8.33	
17	0.20	0.04	0.99	0.04	1.33		1.2	0.19	2.78	0.25	4.42		0.18		9.14		9.32	
22	0.04		0.30	0.34			0.06		0.13		0.19							
35			0.13	0.13					0.13		0.13							
50									0.32		0.32				0.63		0.63	
44							0.06				0.06							
12	0.36		0.30	0.09	0.95		0.57				0.57		0.09				0.09	
25			0.09		0.09		0.06		0.18		0.25				0.09		0.09	
26	0.09		0.34		0.44				0.25		0.25				0.09		0.09	
7	0.26		0.09	0.09	0.44	0.82	0.38	0.06			1.26	0.54	0.09		2.78	0.27	3.07	
8	0.99	0.04		0.04	1.07	0.57	0.32	0.13			1.02	0.54		0.09	0.09		0.72	
31	0.04		0.04		0.13	0.18	0.38				0.57	0.36	0.27		0.27	0.09	0.99	
51											0.09						0.18	
56															0.18		0.18	
4			0.39	0.09	0.09	0.57			1.7	0.18	1.89			0.09	0.09		0.18	
9			0.26	0.26		0.52			0.50	0.18	0.69							
15			0.04		0.04													
5			0.52	0.95	1.47				0.25	0.32	0.57				0.27		0.27	
28	0.09	0.04			0.13													
19			0.04	0.82	0.86				0.06		0.06				0.09		0.09	
32			0.13	0.13	0.26				1.32	0.25	1.57							
33			0.04		0.04													
2			0.13	0.04	0.17													
16			0.13	0.13	0.26				0.06		0.06							
21			0.04		0.04													
30			0.09		0.09													
18			0.04		0.04													
24			0.04		0.04													
11			0.21	0.30	0.51				0.38	0.13	0.51							
20			0.09	0.09	0.18													
29			0.04		0.04													
36			0.04		0.04													
13			0.04	0.04	0.09										0.09		0.09	
10	1.03				1.03	1.07					1.07	0.18			0.18		0.36	
27	0.30				0.30	2.08					2.08	0.27					0.27	
37									0.18		0.18							
38									0.38		0.38							
23			0.13	0.13	0.26				0.38		0.38				0.09		0.09	
30									0.06		0.06							
58															0.09		0.09	
34			0.04	0.04	0.09													
32															0.18	0.09	0.27	
57			0.04		0.04											0.09	0.09	
40									0.13		0.13							
53															0.09		0.09	
54																0.27	0.27	
55															0.09		0.09	
59	0.26				0.26										0.09		0.09	
60	2.58	0.00			3.18	6.55	1.77				7.32	2.42	0.09				2.51	
61	0.21	0.39			0.60		0.76	1.96			2.72		0.63	0.54			1.16	
Σ	5.25	8.53	3.56	84.18	1.38	100	10.27	10.08	8.31	68.77	1.51	100	4.31	4.22	1.8	85.31	43	100

Таблица 7

Показатели степени орнаментированности, %

Зона сосуда	Памятник			
	Черноозерье IV	Инберень X	Серанин II	Черноозерье VI
Венчик	40	50,8	53,6	54,3
Под венчиком	97,8	88,5	80	82,7

Таблица 8

Характеристика техники орнаментации, %

Памятник	Техника				
	гребенка		гладкий штамп	ямки	жемчужины
	шагающая	печатная			
Черноозерье IV	87,98	2,3	0,5	0,18	0,18
Инберень X	85,73	1,8	0,6	1,51	1,68
Черноозерье VI	76,31	2,9	2,3	4,08	1,64

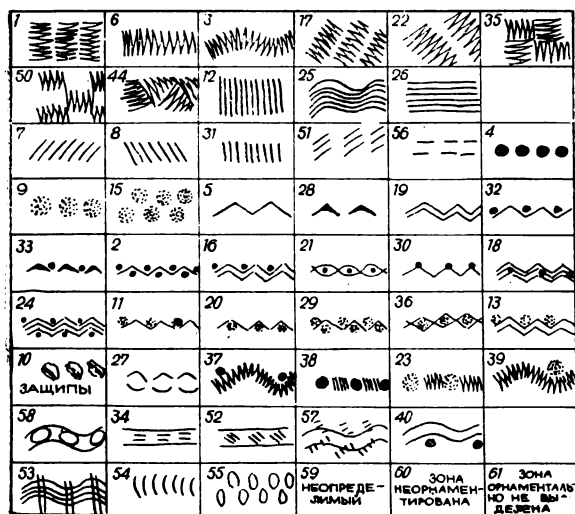

Рис. 4. Орнаментальные композиции сосудов кротовской культуры

(рис. 4). Основные — прямые и волнистые ленты, вертикальные и наклонные колонки — заполняют большую часть орнаментального поля. Разделительные пояски состоят из небольшого набора элементов — ямок, жемчужин, гладких или гребенчатых зигзагов, уголковых вдавлений, дискретных вертикальных или наклонных оттисков. Сосуды с валиками единичны — по одному на Черноозерье VI (рис. 3-3) и Саранине II, два на Инберени X (рис. 3-7, 11) и три на Черноозерье IV (рис. 3-10).

Обычная орнаментальная схема такова: зона под венчиком украшена вертикальными колонками шагающей гребенки; ниже идет один из разделительных узоров (их набор на разных памятниках различен; см. табл. 6); тулово покрыто прямыми или волнистыми горизонтальными поясками, выполненными шагающей, шагающе-проташенной, изредка проташенной гребенкой.

По орнаментальным композициям¹⁹ комплексы имеют высокие и почти равнозначные для каждой пары²⁰ коэффициенты сходства (83,2—85,5 %) ²¹. Вместе с тем корреляция орнаментальных признаков позволяет выявить ряд особенностей.

Так, например, на сосудах Черноозерья VI в качестве разделительного нередко использовался один из основных поясов. Здесь же отмечены взаимопроникающие и вертикальные зоны. На посуде Черноозерья VI и Саранина II зона под венчиком чаще оставалась неорнаментированной или украшалась теми же основными узорами; в орнаменте нередко использовались ямки. На керамике Инберени X, по сравнению с прочей, больше жемчужин. Для посуды Черноозерья IV менее характерны венчики с защипами и волнистые, совсем нехарактерны ямки и жемчужины, нет здесь орнаментированных донышек, больше валиков. Отмеченные особенности орнамента обусловлены, на наш взгляд, разницей в хронологии памятников.

Количество остальных находок невелико, что характерно для многих кротовских поселенческих комплексов.

Для изготовления каменных орудий труда использовалось различное сырье — кварциты, сланцы, мергель, кремнистые породы. На всех памятниках найдены скребки (свыше 20 экз.), выполненные обычно на высоких отщепах и имеющие округлый рабочий край, есть также концевые скребки. Скобели с Инберени X и Черноозерья IV выполнены на ребристых пластинах, с Саранина II — на плитке (у него два рабочих края). С Черноозерья IV происходят два сверла — одно на пластине (им работали по дереву), от второго сохранился обломок, близкий по форме головке наконечника стрелы. Здесь же найдены резец на скребке, 2 песта — с круглым и овальным сечением, ретушер из гальки (она использовалась и как ложило) и строгальный нож, у которого торцовые грани и часть основания обработаны крутой притупляющей ретушью со стороны спинки. Еще нож (шлифованный) и ретушер найдены на Инберени X. С Саранина II происходит трапезиевидный топор (?), имеющий плоско-

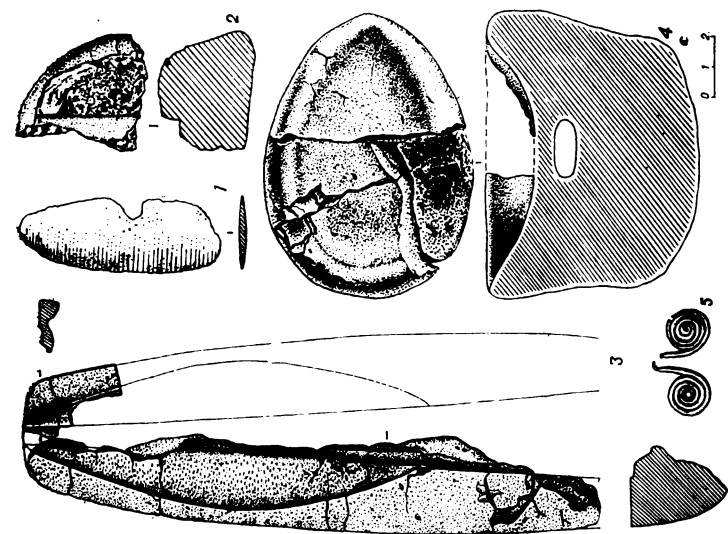

Рис. 6. Изделия:
1, 5 — бронза, 2—4 — глина; 1—2, 5 — поселение Инберь X, 3—4 — Черноозерье VI

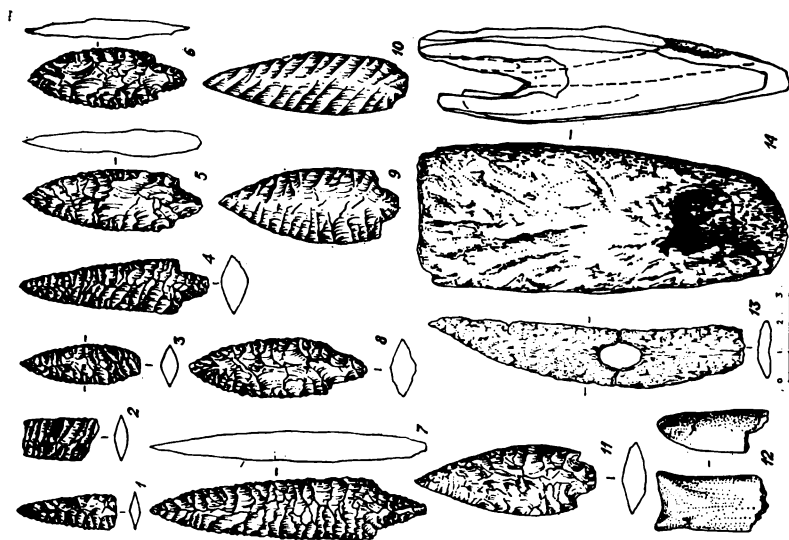

Рис. 5. Изделия:

1—11 — камень, 12 — кость, 13—14 — кость; 1—2, 12—14 — поселение Инберь X, 3—4 — Черноозерье IV, 5—8, 11 — Черноозерье VI, 9—10 — Саранин II

выпуклое сечение и прямое, обработанное крупными сколами лезвие. Судя по всему, роль каменных орудий труда была незначительной в быту кротовского населения. Напротив, достаточно широко использовались кость и рог. Многочисленны факты находок костей со следами обрезки, распиливания.

Характерными изделиями являются мотыги (?), выполненные из лосиного рога (5 экз.). Они вытянутой пропорции, с асимметрично-клиновидной рабочей частью. В губчатом веществе с тыльных сторон сделаны пазы для крепления рукоятей (рис. 5-14). Г. Ф. Коробкова, опираясь на экспериментальные данные, отмечает, что «роговые мотыги могли быть основными землекопными орудиями в хозяйстве ранних земледельцев»²².

Интересны орудия, отличительной особенностью которых является уплощенный округло-приостренный рабочий конец. Два предмета из Саранина II выполнены, очевидно, из трубчатых костей, расколотых вдоль. В. И. Молодин рассматривает подобные изделия как кинжалы²³. И. Г. Глушков считает, что они применялись в керамическом производстве²⁴. Два орудия с Черноозерья IV изготовлены из ребер, их рабочая часть сильно зашпона.

С поселения Инберень X происходят костяное шило, аналогичное бронзовым четырехгранным; игла для вязания сетей (?) с выемкой для привязывания нитей; лопатка-ложка и пест из крупных трубчатых костей. На поселении Черноозерье IV найдена проколка из метаподии лося, на Саранине II — роговая рукоять, обработанная срезами.

Из камня и кости изготавливались также наконечники стрел и дротиков. Каменные выполнены чаще всего из кремнистых пород, серого и светло-серого сланца, серого и белого кварцита (рис. 5-1—11). Наиболее многочисленна (9 экз.) группа черешковых наконечников стрел, имеющих подтреугольную или близкую к лавролистной форму пера. В первом случае наконечники, как правило, вытянутых пропорций (длина одного из них 92 мм), переход основания в черешок — почти под прямым углом. Их отличает прекрасная обработка выстругивающей ретушью (рис. 5-4, 7—8, 10). У наконечников второго типа переход от пера к черешку варьирует от плавного до остроугольного — в последнем случае образуются «жальца». Эти изделия более широкие, укороченных пропорций, обработаны грубее (рис. 5-5—6, 9, 11). Найдены один небольшой наконечник треугольной формы и другой — миндалевидный.

На кротовских поселениях Барабы известны 2 черешковых и подтреугольный наконечники стрел²⁵. Изделия миндалевидной и иволистной форм найдены в большом количестве в могильнике Сопка 2²⁶. Кротовские черешковые наконечники Среднего Прииртышья имеют аналогии в комплексах абашевских памятников²⁷, Турбинского могильника I²⁸, близки они и наконечникам Синташтинского могильника²⁹.

Костяных наконечников стрел известно не менее 12 экз. Изделий специфических форм (как на Сопке 2) среди них не отмечено³⁰. Все они черешковые, форма пера ланцетовидная, подтреугольная. Отметим преобладание ланцетовидных с трехгранным сечением пера и плавным переходом к черешку на поселении Черноозерье VI. Аналогичное изделие найдено на Саранине II. Два из трех наконечников с Черноозерья IV отличаются укороченной пропорцией, широким уплощенным пером и прямоугольным переходом к черешку. Общей формой они близки кремневым с этого же памятника.

В материалах среднеиртышских памятников есть бесспорные свидетельства местного бронзолитейного производства: фрагменты глиняных литейных форм и тиглей, капли бронзы.

На поселении Инберень X найдены обломки глиняного изделия (рис. 6-2) с обожженной поверхностью. На фрагменте сохранилась подпрямоугольная в разрезе часть выемки (отверстия?). Реконструируемая форма изделия близка пропорциям оригинального тигля с поселения Черноозерье VI (рис. 6-4). Отличительной особенностью последнего является мощная придонная часть (высота 5,6 см), что позволяло, очевидно, обходиться при плавке металла без специальной подставки. Рабочая емкость тигля имеет овально-асимметричную форму и слив в зауженной части. В поддоне сделано сквозное отверстие, очевидно, для рукояти. С поселения Саранин II происходят 3 фрагмента, видимо, от аналогичного тигля. У двух обломков сохранилась часть мощного поддона и отверстия для рукояти.

На этом же памятнике найден фрагмент глиняного предмета, на продольной оси которого сформован желобок диаметром около 6 мм (длина сохранившейся части 4,5 см). Сходные изделия трактуются В. И. Молодиным как возможные литейные формы для долота или стамески³¹.

Наибольший интерес представляет глиняная форма с Черноозерья VI³² (9 фрагм. от половины створки), в которой, судя по сечению, отливался вильчатый наконечник копья (рис. 6-3). Общая длина изделия была не менее 19 см, длина сохранившейся части втулки 6 см. Копье имело перо лавролистной формы с наибольшей шириной (5 см) в его средней части.

Бронзовые орудия представлены: тремя шильями — двумя обоюдоострыми, четырехгранными в сечении, и одним с округлым сечением стержня, а также ножами. Ножи — целый двулезвийный турбинского типа (рис. 6-1) и обломки еще от трех, очевидно, аналогичных изделий. Круг аналогий им довольно широк, прежде всего это ножи Турбинского могильника I³³. Подобный нож известен в составе Омского клада, где он найден вместе с вильчатым копьем и безушковым кельтом сейминско-турбинского типа³⁴. Предметы, кроме одного шила, происходят с поселения Инберень X.

Здесь же найдены пряслице из обломка сосуда и 14 фраг-

Таблица 9

Костные остатки из раскопок

Вид	Инберень Х	Саранин II	Черно- озерье IV	Черноозерье VI	
				1967—1970	1972, 1978
Крупный рогатый скот	61/7	36/5	25/2	431/7	73/7
Мелкий рогатый скот	35/7	32/3	356/21	4070/163	345/34
Овца		2/1			
Коза		1/1			
Лошадь	84/11	84/5	82/3	1025/29	164/13
Собака					скелет
Волк				3/1	3/2
Лисица		1/1	1/1	28/5	7/2
Медведь		13/3	2/1	63/5	1/1
Кабан				5/1	
Лось		26/3	8/1	42/3	3/1
Косуля	96/7			5/1	1/1
Bison sp.	2/2			3/1	
Заяц	1/1?	19/2	2/1	6/2	
Кулан					1/1
Canis sp.	2/1				
Росомаха	1/1				
Куница					1/1
Птица					8
Не определены	553	216	?	?	58

ментов глиняных грузил-стержней овального сечения с раздвоенными (рожковидными) концами (рис. 5-12). Подобные изделия наиболее распространены в энеолитических памятниках Притоболья, однако известны в слоях эпохи ранней бронзы — на поселении Вишневка I и в раскопе I участка X южного берега Андреевского озера³⁵.

Украшения. На Саранине II найдены подвеска из зуба животного и каменная скульптура³⁶, использовавшаяся в качестве украшения. Изображение довольно схематичное (по мнению И. Г. Глушкова, лошадь), длина изделия 37 мм, высота не более 19 мм. Отсюда же происходит бронзовая спиралевидная пронизка. Два аналогичных украшения известны на поселении Инберень X вместе с подвесками — подтреугольной, пластинчатой и так называемыми очковидными (рис. 6-5). Время и ареал их бытования широкие; на ближайших территориях хронологические рамки подобных изделий XVI—XV вв. до н. э.³⁷.

Фаунистические материалы рассматриваемых памятников представлены костями домашних и диких животных, птиц, остатками рыбы (табл. 9). Наиболее корректны сборы с поселения Инберень X. Точка зрения о разнокультурности логиновских и кротовских древностей обязывает автора предполагать, что

фаунистические остатки на поселениях Саранин II и Черноозерье VI отложились в разные периоды существования памятников.

Данные поселения Черноозерье IV также требуют достаточной осторожности: памятник расположен в непосредственной близости от поселения Черноозерье VI, на террасе, подвергавшейся многолетней распашке.

Следует также учитывать другие факты: на Саранине II численно преобладает кротовская керамика; на Черноозерье VI, напротив, гораздо больше керамики логиновского типа, причем на значительной площади восточной части поселения кротовские фрагменты вообще единичны, а остеологические остатки на этих участках обильны (табл. 9; раскопы 1972, 1978), и столь же велика доля костей мелкого рогатого скота. Нам кажется правомерным предположение, что мелкий рогатый скот доминировал именно в стаде логиновцев. О наиболее вероятном составе кротовского стада можно судить по палеофаунистическим материалам поселения Инберень X и кротовских памятников других территорий³⁸. Его основу составляли крупный рогатый скот и лошади. Доля мелкого рогатого скота была значительной (при этом соотношение овец и коз примерно одинаковое). Немаловажную роль в питании кротовцев играло мясо диких животных, в основном лося.

Хозяйство кротовцев, таким образом, представляется комплексным, базирующимся на придомном скотоводстве. Очевидны занятия охотой и рыболовством, возможно пойменное земледелие. Достаточно высокими были навыки металлообработки, развивались гончарство, обработка кости, камня.

Хронология кротовской культуры определяется в широких рамках — XVIII—XII вв. до н. э. В. И. Молодиным разработана двухэтапная периодизация для памятников Барабы и Приобья³⁹. В ее основе лежит типология керамики, поздний этап при этом датируется XIV—XII вв. до н. э. по бронзовым изделиям и фактам стратиграфии. Для определения нижней границы, с точки зрения В. И. Молодина, данных пока недостаточно, а имеющиеся не позволяют соотносить возникновение кротовских памятников с игрековским временем (XVIII—XVII вв. до н. э.), как склонен считать М. Ф. Косарев⁴⁰.

В своих хронологических разработках В. И. Молодин не привлекал материалы памятников Среднего Прииртышья. Они были использованы И. Г. Глушковым, который на основании комплексного анализа керамики культуры в целом выделил три этапа ее существования, обозначив общие хронологические рамки второй четвертью II тыс. до н. э.—XIII в. до н. э.⁴¹

Попытаемся конкретизировать время существования среднеиртышских кротовских памятников. Только на одном из них — поселении Инберень X — сделаны стратиграфические наблюдения: кротовскими сооружениями прорезан культурный слой

с остатками среднеиртышской (екатерининской, по А. И. Петрову) культуры эпохи неолита — ранней бронзы.

Типологический анализ керамики, сочетание ее с другими типами посуды позволяют предполагать сравнительную древность комплекса поселения Черноозерье VI и более поздний возраст поселения Черноозерье IV⁴². К близким выводам пришел в своих исследованиях И. Г. Глушков, включив поселения Черноозерье VI и Саранин II в группу памятников первого, раннего этапа кротовской культуры⁴³.

Материалы поселения Черноозерье VI содержат литейную форму вильчатого наконечника копья. Бронзы сейминско-турбинского типа, в кругу которых следует рассматривать это изделие, датируются различными авторами в рамках XVI — XII вв. до н. э.⁴⁴ В свете новейших исследований сейминско-турбинского феномена сложение последнего произошло не позднее начала XVI в. до н. э.⁴⁵ С точки зрения Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых, главная роль в этом процессе принадлежит двум компонентам. Первый из них связан с металлургами и коневодами степи и лесостепи Алтая, а второй — с подвижными охотниками и рыбаками таежной зоны от Енисея до Байкала. Исследователи не видят каких-либо веских аргументов для датирования классических сейминско-турбинских бронз временем после XV в. до н. э.

Морфологические особенности копья, отливавшегося в черноозерской форме, позволяют считать его одним из ранних сейминско-турбинских изделий и ограничить, таким образом, время его бытования скорее всего XVI в. до н. э.

Культурную атрибуцию копья в контексте памятника определяют условия залегания фрагментов литейной формы, свидетельствующие в пользу ее принадлежности к кротовским.

В рамки XVII — XVI вв. до н. э. (3560 ± 30 лет — СОАН — 1893) укладывается радиоуглеродная дата одного из погребений доандроновской елунинской культуры алтайской лесостепи⁴⁶. В могиле 2 Елунинского грунтового могильника I найден нож сейминско-турбинского типа со скульптурным изображением лошади. По мнению Ю. Ф. Кирюшина, елунинское население активно контактировало с кротовским в северных районах своего ареала⁴⁷.

Кротовский керамический материал рассматриваемых памятников позволяет проследить динамику его признаков в доандроновское время. Один из конечных этапов линии развития представлен материалами поселения Черноозерье IV, где на две жилища залегали совместно развалы кротовских и андроновских сосудов. Отметим, что на одном из последних был сформован под венчиком невысокий валик.

Вопрос о верхней дате кротовских комплексов в Среднем Прииртышье тесно связан, как и на сопредельных территориях, с проблемами круга андроновских культур. Материалы андро-

новских памятников Среднего Прииртышья, таких как городище и поселение Черноозерье I⁴⁸, ранний комплекс поселения Сибирская Саргатка I⁴⁹, Николаевское IV, Имшагал и других поселений, включают фрагменты типично кротовской керамики. Это обстоятельство, а также наличие в кротовском жилище Черноозерья IV андроновской посуды указывают на частичное сосуществование этих двух культурных явлений. В свою очередь коллекции названных андроновских памятников содержат, наряду с классической федоровской, керамику так называемого амангельдинского типа. Исследования последних лет позволяют считать наиболее вероятным временем ее бытования XIV в. до н.э.⁵⁰ Следовательно, тогда же начинается процесс проникновения андроновского населения в Среднее Прииртышье, где оно какое-то время сосуществовало с кротовским, постепенно его ассимилируя. Черты преемственности прослеживаются в сооружении андроновцами двухкамерных жилищ, окружении поселка подпрямоугольным рвом, орнаментации посуды шагающей гребенкой и валиками⁵¹.

Одной из наиболее дискутируемых проблем кротовской культуры является проблема ее генезиса. Согласно точкам зрения различных исследователей, она формируется в районах Ишимо-Иртышской лесостепи⁵², на Иртыше⁵³, к востоку от Барабы⁵⁴, в Центральной Барабе⁵⁵. В одной из работ нам приходилось обращаться к этому вопросу, отмечая сходство кротовских орнаментальных традиций с неолитическими и энеолитическими Зауралья и Притоболья⁵⁶.

В данной работе хотелось бы остановиться на следующем сюжете. Т. М. Потемкина высказала предположение, что одиновско-крохалевские и вишневские памятники Притоболья, наряду с кротовскими Обь-Иртышья и вишневскими Северного Казахстана, образуют своеобразный культурно-хронологический пласт, характеризующий эпоху ранней бронзы западносибирской лесостепи и предшествующий андроновской общности⁵⁷. Следуя логике автора, в данный пласт можно было бы включить комплексы елунинской культуры лесостепного Алтая и, возможно, памятники типа Ташково II. Культурная близость названных памятников наиболее ярко проявляется в сходстве керамики, украшенной плотными узорами из шагающей (шагающе-проташенной) гребенки. Однако есть существенное обстоятельство, которое заставляет с осторожностью отнестись к их соединению в одну хронологическую позицию, так как эти культурные типы датируются исследователями в достаточно большом хронологическом диапазоне.

Так, вишневский тип в Северном Казахстане отнесен к первой трети II тыс. до н.э., возможно, на позднем этапе вишневские памятники сосуществуют с петровскими⁵⁸.

Появление вишневско-одиновских памятников в лесостепном Притоболье Т. М. Потемкина определяет рубежом III—II тыс.

до н.э. и прослеживает связь вишневско-одиновской керамики с раннеалакульской (допетровской) XVII в. до н.э.⁵⁹ Поселение Ташково II, в материалах которого содержится керамика, сопоставимая с вишневской и кротовской, В. Т. Ковалева относит к первой четверти II тыс. до н.э.⁶⁰ В. И. Молодин включает памятники типа Вишневки I в кротовскую культуру и предполагает, что кротовские и петровские комплексы сосуществуют⁶¹.

По мнению И. Г. Глушкова, кротовская культура формируется во второй четверти II тыс. до н.э. на местной основе, одновременно автор допускает, что «один из комплексов Вишневки I может быть отнесен к этой культуре»⁶².

Напомним, что для памятников петровской культуры устанавливается дата XVII—XV вв. до н.э.⁶³ Выше мы уже говорили о дате одного из ранних кротовских поселений на Иртыше — Черноозерья VI (около XVI в. до н.э.) и одного из погребений Елунинского могильника (1610±30 г. до н.э.). Нетрудно заметить, что кротовская культура Обь-Иртышья в целом относится к более позднему периоду, чем вишневские, вишневско-одиновские и ташковские памятники в Казахстане и Притоболье. Складывание собственно кротовских комплексов происходит параллельно с формированием петровской культуры в Северном Казахстане, которая частично вобрала в себя вишневские традиции.

Трудно сказать, насколько объективны выявленные несоответствия в хронологии вишневских и кротовских поселений. Убедительных аргументов в пользу омоложения вишневских, вишневско-одиновских и ташковских комплексов пока нет, их в целом доандроновский возраст (в рамках первой трети II тыс. до н.э.) как будто не вызывает явных возражений. Но нет оснований для удревления кротовской культуры (этому противоречат уровни развития хозяйства, металлообработки и др.). К тому же это повлекло бы за собой расширение ее хронологических рамок до пяти-шести столетий, что представляется маловероятным. Тем более что кротовские керамические материалы демонстрируют поразительную стабильность признаков.

Если памятники с вишневской керамикой действительно имеют более раннюю дату (что не исключает одновременности кротовских и вишневских комплексов на узком хронологическом отрезке — XVII—XVI вв. до н.э. (?), то попытки включить комплексы типа Вишневки I в круг кротовских памятников следует признать преждевременными. Вишневку I, Карлугу I, Вороний Остров и другие памятники, содержащие своеобразные материалы эпохи ранней бронзы, можно, видимо, рассматривать как самостоятельное, сложное по составу культурное образование, либо включать в состав приишимской раннебронзовой культуры, основная территория которой лежит к северу от Петропавловска.

Какие-то памятники приишимской раннебронзовой культуры

должны быть синхронны кротовским на Иртыше, причем вплоть до начала андроновских (федоровских) проникновений, так как петровская керамика на Ишиме в пределах Тюменской области неизвестна. К сожалению, доандроновский период ишимской лесостепи изучен плохо, но и имеющихся материалов (Кокуй II, Пахомовская Пристань III, Одино, Логиновское гор.) достаточно, чтобы сделать вывод о сложном, многообразном облике и характере культуры местного населения (как это имеет место в Притоболье).

И, наконец, одновременность вишневокских и кротовских древностей делает возможной постановку вопроса об их генетической связи или даже взаимообусловленности, во всяком случае, пока мы не объясним хронологическое несоответствие при столь явном сходстве части вишневокских и кротовских комплексов.

¹ См.: Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. № 64. С. 99—100.

² См.: Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // ПХКПАПЗС. Томск, 1970. С. 27.

³ См.: Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975. С. 20.

⁴ См.: Стефанова Н. К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

⁵ См.: Глушков И. Г. Кротовская культура на Иртыше: По материалам поселения Саранин II // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984.

⁶ См.: Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

⁷ См.: Генинг В. Ф., Стефанова Н. К. Черноозерье IV — поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982.

⁸ В заполнении канавы и на площадке собрано свыше 500 фрагментов кротовской керамики. Наибольшая ее концентрация, в том числе развалов сосудов, очень крупных фрагментов, наблюдается у края террасы. Здесь же выявлены остатки бронзолитейного производства — обломки литейной формы, тиглей. Почти все кремневые черешковые наконечники стрел найдены на площадке. За пределами канавы, но недалеко от нее, собрано около 200 фрагментов кротовских сосудов, а в раскопах восточной части поселения — всего 4 фрагмента на площади около 300 м²; в свою очередь жилище, исследованное здесь В. Т. Ковалевой, содержало посуду только логиновского типа.

⁹ См.: Глушков И. Г. Кротовская культура на Иртыше... С. 46. Знакомство с материалами памятника, в частности планиграфией и стратиграфией керамики, позволяет нам высказать мнение о небесспорности такой трактовки памятника.

¹⁰ См.: Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. С. 35—36.

¹¹ Этому не противоречит реконструкция экономики общин рассматриваемой территории как базирующейся на придомном скотоводстве (см.: Смирнов Н. Г., Косинцев П. А., Бородин А. В. Влияние хозяйственной деятельности древнего населения на экосистемы Западной Сибири и Зауралья //

Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М., 1981. С. 176—177.

¹² См.: *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. С. 36—37.

¹³ См.: *Соколова З. П.* К вопросу о развитии обско-угорской землянки // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. Тюмень, 1960. С. 18—19; *Полов А. А.* Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 145. Подробнее о реконструкции по похожим остаткам см.: *Молодин В. И., Полосьмак Н. В.* Венгерово-2 — поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 21, 23; *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. С. 50—53.

¹⁴ См.: *Глушков И. Г.* Кротовская культура на Иртыше... С. 34.

¹⁵ См.: *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. С. 73—74; *Молодин В. И., Полосьмак Н. В.* Венгерово-2... С. 18.

¹⁶ См.: *Стефанова Н. К.* О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 40—44. Из 400 сосудов: на Черноозерье VI — примерно 162; Инберени X — не менее 120; Черноозерье IV — около 45. В публикации материалов поселения Саранин II сведений об общем количестве фрагментов и сосудов нет, количество сосудов (венчиков), приводимых в таблицах тех или иных признаков, различно (при сопоставлении признаков будут привлекаться данные этих таблиц).

¹⁷ Определение основы проведено И. Г. Глушковым, за что автор выражает ему искреннюю благодарность.

¹⁸ Первичный учет орнаментальных признаков проводился по трем группам посуды (закрытые банки, банки с прямой горловиной, горшечно-баночные сосуды). Анализ суммарных характеристик не обнаружил между орнаментами групп существенных различий, поэтому в сводной таблице узоров представлены данные по каждому памятнику в целом.

¹⁹ За единицу исчисления была принята горизонтальная орнаментальная зона (композиция), а за 100 % — общее их количество на всех сосудах памятника.

²⁰ Достоверность полученных данных была проверена методом наименьших квадратов и с помощью распределения χ^2 (см.: *Крамер Г.* Методы математической статистики. М., 1980). Подробное изложение применительно к археологическому материалу приводится в статье: *Корякова Л. Н.* Некоторые статистические методы обработки керамики // В печати.

²¹ См.: *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 129—132.

²² См.: *Коробкова Г. Г.* Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда: По материалам ранних земледельческо-скотоводческих культур юга СССР // Тез. докл. конф. «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». М., 1974. С. 14.

²³ См.: *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. С. 51.

²⁴ См.: *Глушков И. Г.* Кротовская культура на Иртыше... С. 37. Рис. 2-2—3.

²⁵ См.: *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Рис. 16-12, 15—16.

²⁶ См.: Там же. С. 40.

²⁷ См.: *Халиков А. Х.* Пепкинский курган // ТМАЭ. 1966. Т. 3. С. 23, 25.

Табл. 5.

²⁸ См.: *Бадер О. Н.* Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. Рис. 91-13.

²⁹ См.: *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э.: По материалам Синташтинского могильника // Тез. докл. конф. «Новейшие открытия советских археологов». Киев, 1975. Ч. 1. С. 94—95.

³⁰ См.: *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. С. 50.

³¹ См.: Там же. С. 60. Рис. 28-5.

³² Наблюдения автора о характере залегания на памятнике древностей кротовского и логиновского типов, разумеется, не решают окончательно вопрос о принадлежности остатков бронзолитейного производства. Это об-

стоятельство будет учитываться при обращении к хронологии комплексов.

³³ См.: Бадер О. Н. Новые раскопки Турбинского I могильника // Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции ИА АН СССР. М., 1959. Вып. 1. Рис. 13-6.

³⁴ См.: Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г. Очерки по истории производства в Приуралье и в Южной Сибири в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 90. Табл. 11-9.

³⁵ См.: Косарев М. Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 17.

³⁶ См.: Глушков И. Г. Кротовская культура на Иртыше... С. 37.

³⁷ См.: Черных Е. Н. О металле абашевской культуры // Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964; Могильников В. А. Курганы Чистолембязе // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 34—35. Рис. 3—7.

³⁸ См.: Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. С. 73. Табл. 3.

³⁹ См.: Там же. С. 86—88.

⁴⁰ См.: Там же. С. 88.

⁴¹ См.: Глушков И. Г. Керамика самусьско-сейменской эпохи лесостепного Обь-Иртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. С. 12.

⁴² См.: Стефанова Н. К. О керамике кротовской культуры...

⁴³ См.: Глушков И. Г. Керамика самусьско-сейменской эпохи... С. 11.

⁴⁴ См.: Бадер О. Н. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964. С. 148; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 38—39, 62, 101—105; Бочкарев В. С. Проблемы Бородинского клада // Проблемы археологии. Л., 1968; Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 18; Сафронов В. А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л., 1968; Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. М., 1970. № 172. С. 101.

⁴⁵ См.: Chernykh E. N., Kuzminykh S. V. The seima — turbino transcultural phenomenon // Тез. 6-го междунар. конгр. финно-угроведов. Сыктывкар, 1985. Т. 4. С. 115.

⁴⁶ См.: Кирюшин Ю. Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 75—76.

⁴⁷ См.: Кирюшин Ю. Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 50.

⁴⁸ См.: Виктор В. П., Борзунов В. А. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 15. С. 20—23.

⁴⁹ См.: Стефанова Н. К. Отчет о работах в Тюменской и Омской областях в 1984 г. // АКА УрГУ. Ф. 2. Д. 400. Л. 18—19. Рис. 27.

⁵⁰ См.: Зданович Г. Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 20. Рис. 4.

⁵¹ См.: Генинг В. Ф., Гусенцова Т. М., Кондратьев О. М. и др. Периодизация поселений... С. 36.

⁵² См.: Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. С. 107; Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья. Л., 1976. С. 54.

⁵³ См.: Глушков И. Г. Керамика самусьско-сейменской эпохи... С. 12.

⁵⁴ См.: Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы... С. 67.

⁵⁵ См.: Молодин В. И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 75.

⁵⁶ См.: Стефанова Н. К. О керамике кротовской культуры... С. 44—46.

⁵⁷ См.: Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. С. 277.

⁵⁸ См.: Татаринцева Н. С. Керамика поселения Вишневка I в лесостепном Приишимье // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 110—112.

⁵⁹ См.: Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. С. 283.

⁶⁰ См.: Ковалева В. Т. Исследование раннебронзового поселения в Курганской области // АО — 1984. М., 1986. С. 134.

⁶¹ См.: Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. С. 85.

⁶² См.: Глушков И. Г. Керамика самусьско-сейменской эпохи... С. 10—11.

⁶³ См.: Зданович Г. Б. Относительная хронология... С. 18—19.

В. И. СТЕФАНОВ
Уральский университет
А. Я. ТРУФАНОВ
Институт истории СО АН СССР

К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка I)

На Среднем Иртыше известно более 10 памятников ирменской культуры, из них в разные годы были частично исследованы поселения Черноозерье VIII¹, Розановское² и Красноозерское (жилищные комплексы). Соответствующий этим памятникам период эпохи поздней бронзы был назван розановским³. Розановские комплексы, родственные ирменским в Приобье, предлагалось рассматривать в качестве одного из вариантов культуры карасукской общности⁴. Можно сказать, что такой взгляд на розановские поселения утвердился, и в настоящее время они рассматриваются как памятники розановского или среднеиртышского варианта ирменской культуры⁵, которая в свою очередь включается многими исследователями в карасукский круг культур.

Возросший интерес к ирменским древностям Среднего Прииртышья вызван широким исследованием ирменских поселений и могильников в лесостепном Приобье⁶, а также изучением вопросов взаимодействия культур Западной Сибири в конце бронзового века и формирования культур раннего железного века⁷. Однако, оценивая степень изученности розановского варианта ирменской культуры, мы должны признать ее ограниченной. Во-первых, названные выше памятники исследованы далеко не в достаточном объеме. Так, например, на Черноозерье VIII вскрыто 468 м² при общей площади поселения около 20 тыс. м²; на Розановском — 270 м², в то время как площадь распространения культурных остатков (в том числе ирменских) превышает 10 тыс. м².

Во-вторых, опорным памятником розановского варианта до недавнего времени можно было назвать только Черноозерье VIII, так как на Розановском городище все выявленные объекты относятся к саргатской культуре раннего железного века⁸, а материалы Красноозерского поселения не опубликованы. В этой